
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ФОЛЬКЛОРУ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

А. Ю. Никитченков
Москва

СОВРЕМЕННЫЙ ШКОЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР КАК ФЕНОМЕН ДЕТСКОЙ СУБКУЛЬТУРЫ И УЧЕБНЫЙ МАТЕРИАЛ (начальные классы)

Современные исследователи единодушно отмечают, что истоки современного школьного фольклора находятся в традиционном устно-поэтическом творчестве¹. Вместе с тем школьный фольклор является не только достоянием и неотъемлемой частью фольклорной традиции в целом, но и выступает в качестве значимого компонента детской субкультуры, он сопутствует ребенку на различных возрастных этапах его развития и охватывает различные планы стихийной творческой деятельности детей — словесный, игровой, изобразительный, музыкальный и др.

Школьный фольклор имеет давнюю историю: как самостоятельное явление он зарождается в городской среде и в какой-то мере отражает словесную принадлежность русских школьников. «В то время как ученик духовного училища, решивший продать черту души (лишь бы избавиться от сечения), лезет с написанной им кровью запиской в двенадцать часов ночи под печь, отчаявшийся воспитанник кадетского корпуса просто бросает свою записку в форточку», — такой пример приводит А. Ф. Белоусов

¹ Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / Сост. А. Ф. Белоусов. М., 1998. С. 5 (далее ссылки на это издание даны в тексте с указанием страницы); *Капица Ф. С., Колядич Т. М.* Русский детский фольклор. М., 2002. С. 222.

в своей статье, представляющей достаточно широкий экскурс в историю школьного быта и фольклора в России (с. 5—16).

Современный школьный фольклор — многожанровое и генетически разнородное явление, в котором получили специфическое преломление традиционное устно-поэтическое творчество и постфольклор, художественная литература и театр, кинематография и мультипликация, компьютерные игры, политические события и факты повседневности.

Основные жанры современного школьного фольклора — детская страшная история, садистские стишки, анекдот, пародийная поэзия школьников, девичий альбом и анкеты, детские тайные языки, обряды вызывания (Пиковой дамы и других персонажей), граффити.

Нужны ли современному учителю знания о школьном фольклоре? Каковы возможные области применения этих знаний? На настоящий момент школьный фольклор достаточно хорошо исследован, поэтому необходимые для себя сведения учитель всегда сможет почерпнуть из соответствующих публикаций, в том числе и тех, которые отражены в сносках к настоящей статье. Поскольку наша главная цель — поговорить о школьном фольклоре как возможном учебном материале, остановимся лишь на отдельных его явлениях.

Как фольклорный жанр *детская страшная история (страшилка)* долгое время не замечалась учеными. Собираение и исследование детских страшных историй началось сравнительно недавно. До конца 70-х годов прошлого века, как отмечают О. Н. Гречина и М. В. Осорина², страшилки оставались на периферии внимания ученых. Впоследствии стали появляться небольшие статьи, в которых были поставлены вопросы о соотносительности детской страшной истории с традиционным фольклором, с особенностями детской психологии; делались попытки классификации страшилок по различным основаниям: функции персонажа³ или возрастным особенностям детей⁴. Интересна статья М. Н. Мухлыниной⁵, посвященная пародированию страшных рассказов (в ней содержится приложение из 33-х тек-

² Гречина О. Н., Осорина М. В. Современная фольклорная проза детей // Русский фольклор. Т. 20: Фольклор и историческая действительность. Л., 1981. С. 96.

³ Гречина О. Н., Осорина М. В. Современная фольклорная проза детей. С.100; Осорина М. В. «Черная простыня летит по городу», или зачем дети рассказывают страшные истории // Знание — сила. 1986. № 10. С. 44.

⁴ Зуева Т. В. Категория чудесного в современном повествовательном фольклоре детей // Проблемы интерпретации художественных произведений: Межвуз. сб. науч. тр. М., 1985. С. 147—148.

⁵ Мир детства и традиционная культура: Сб. науч. тр. и материалов / Сост. С. Г. Айвазян. М., 1994. С. 27—59.

стов пародий и пародических интерпретаций детской страшной истории), монография М. П. Чередниковой, представляющая собой наиболее детальное и последовательное изучение современной детской мифологической прозы в контексте фактов традиционной культуры и детской психологии и содержащая в качестве приложения 165 текстов «страшных» рассказов и детские рисунки из коллекции В. Ф. Шевченко⁶, монография М. В. Осориной «Секретный мир детей в пространстве мира взрослых»⁷, сборник «Русский школьный фольклор».

С момента публикации в журнале «Пионер»⁸ «Страшной повести для бесстрашных детей» Э. Успенского начинается процесс популяризации детских страшных историй: страшилки публикуются в общедоступных изданиях, появляются их литературные версии⁹.

Легализация страшилок сыграла двоякую роль. С одной стороны, расширились возможности детской литературы и круга детского чтения, с другой — «классическая» детская страшная история, став общественным достоянием и потеряв, тем самым, сакральное значение для конкретной субкультуры, демифологизировалась. На смену классическим сюжетам и образам приходят новые, почерпнутые из «ужастиков», компьютерных игр, газетных статей.

Учителю важно знать и о возрастной динамике детских страшных историй, которую можно схематически представить в виде таблицы (см. табл. 1). Из таблицы, в частности, следует, что 9—10 лет (4 класс начальной школы) — тот возрастной уровень детей, на котором наиболее целесообразно использовать страшилки как материал по литературному чтению. Кроме того, экспериментальные данные показывают, что учащиеся начальных классов нередко знают больше детских страшных историй (помнят их названия и охотно берутся рассказывать), нежели, например, сказок, которые изучаются в школе целенаправленно. Наличие интереса детей к страшилкам и достаточная прозрачность их художественной формы приводят к мысли о целесообразности литературного чтения произведений этого жанра.

⁶ Чередникова М.П. Современная русская детская мифология в контексте фактов традиционной культуры и детской психологии. Ульяновск, 1995. С.186-250.

⁷ Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб., 1999.

⁸ Пионер. 1990. № 2. С. 48—56, № 3. С. 51—59; №4. С. 52—63.

⁹ Вот ужас-то! // Классики: Лучшие рассказы современных детских писателей. М., 2002. С. 77—92; Русские детские страшилки. Рассказал Г. Науменко. М., 1997; Успенский Э. Красная рука. Черная простыня. Зеленые пальцы: Страшная повесть для бесстрашных детей. М., 1992; Храбрый Юра // Есеновский М. Ю. Ур-Юр-выр. М., 2000. С. 21—36.

Таблица 1

Возраст (лет)	Тип мифологического персонажа	Специфика восприятия пространства	Развитие логики, нравственно-эстетического отношения к действительности
6—7 (ребенок впервые приобщается к детским мифам, становится их носителем и рассказчиком)	Мифологический предмет-вредитель: пятно, рука, глаза, одежда, пианино, компьютер и т.д.	В замкнутом пространстве дома и его вариантов: квартира, детский сад, палата лагеря.	Отсутствие рациональной логики: причина проникновения мифологического предмета в обжитой мир и его поступки не мотивируются
7—8	— “ —	Обжитое пространство начинает расширяться: события происходят в доме или близком к нему пространстве (двор, подвал, чердак...)	Нередко причина событий в нарушении социальных взаимоотношений (нарушение запрета взрослых, смерть близких)
8—9	Персонификация вредителя: бандиты, цыгане, карлики, роботы, людоеды...	Опасное пространство отступает на периферию: кладбище, лес, фабрика на окраине города...	Прослеживаются достаточно четкие причинно-следственные связи: беда происходит из-за неправильного поведения в опасном пространстве и времени, с опасными людьми
9—10	Демифологизация страшных историй, которая может протекать в следующих направлениях: 1. отказ от страшилок, рациональное объяснение страшного; 2. эстетизация: усложнение структуры детской страшной истории, проникновение литературы и кино, активное сочинительство; 3. смеховое переосмысление страшного, появление страшилок со смешным концом и новых жанров: садистские стишки, пугалки.		

Знания, умения и навыки, которые смогут приобрести учащиеся, зависят от характера и содержания учебной работы и могут выглядеть примерно так:

- знать, что современные страшилки — произведения фольклора, поскольку для них характерны вариативность, устность бытования и отсутствие авторского начала;
- понимать их художественную условность и видеть взаимосвязь с русскими народными сказками и быличками;

- уметь выделять особенности их художественной формы, участвовать в собирательской и творческой работе на материале страшилок;
- уметь сопоставлять собственно детские страшные истории и их литературные версии.

Возможная последовательность использования страшилок в качестве учебного материала по литературному чтению может быть такой:

1. Чтение рассказа С.Седова «Черный автобус»¹⁰. Дети вспоминают страшилки с подобным названием и рассказывают их. Устанавливается, что у этих текстов нет автора, но есть много вариантов, они передаются детьми друг другу устно, поэтому их можно назвать фольклором, хотя и современным. Рассказ С.Седова — произведение литературы; читая его, мы можем заметить несерьезное отношение автора к детским страшилкам, увидеть, как он подшучивает над читателем, ожидающим, по привычке, трагической развязки событий.

2. Чтение и анализ детской страшной истории о летающей тарелке.

Однажды мы с бабушкой гуляли поздно вечером. И вот за домом сверкало что-то такое яркое. Потом мы подошли к нему и увидели железную руку. Потом вышел там страшный робот. Мы испугались и побежали домой. А робот пошел за нами. Мы пришли домой, потом посмотрели в окно: пошел назад. И увидели, что это была летающая тарелка¹¹.

Сравнение с быличкой о русалке.

Ребятишками мы еще тогда были. Сидели на бережку. Темно уж было. Глядь, а на той стороне реки девка сидит и поет. Потом всплеск слышим, и плывет она на этот берег. Вышла из воды, вся черная. Села на камень, волосищи длинные распустила и давай чесать, а сама поет. Расчесалась, бульк в воду — и ушла. Покуда она чесалась, мы все смотрели. А потом подбежали к этому камню, а гребень-то лежит. Шура Попова взяла его и домой понесла. А мать-то как заругается: «Отнеси его обратно, а то она сама придет за ним». Побежали мы опять и положили его у камня.

А потом-то этого гребня не стало. Взяла она его, видно. Шура-то все время потом боялась проходить мимо того камня¹².

¹⁰ Вот ужас-то! С. 83.

¹¹ *Чередникова М. П.* Современная русская детская мифология в контексте фактов традиционной культуры и детской психологии. С. 208.

¹² Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В. П. Зиновьев. Новосибирск, 1987. С. 52.

Выявляется сходство в организации художественного мира (нет попадания в волшебный мир, отсутствуют волшебные заступники, встреча с мифологическим персонажем неожиданна, происходит в опасном месте и в опасное время), отмечается, что мифологические персонажи разные (робот и русалка), но отношение реального героя к ним одинаково негативное. Делается вывод о точке зрения рассказчика и слушателя былички и страшилки: оба они должны временно поверить в то, о чем говорится в произведении, иначе не будет страшно. Именно поэтому рассказываются и слушаются детские страшные истории в особых условиях, способствующих реализации установки на правдивость повествования: поздно вечером во дворе, когда нет рядом взрослых, в сарае, подвале или в темной палате летнего лагеря.

3. Чтение и анализ детской страшной истории о перчатке.

Жил-был мальчик. Родители у него умерли. Вот он как-то пошел гулять. А вышел он рано утром. Ничего еще не было. Он сидит, играет в песочнице. Вдруг видит: белая перчатка валяется. Он ее хотел подобрать, а оттуда-то голос: «Не надо, не надо, не надо!» А он не послушался и подобрал. И видит, что перчатка от него ускользает. А он за ней побежал. Она его привела в темный подвал и там задушила¹³.

Выявляется связь этой страшной истории со сказкой: зачин («Жили-были...»), беда в доме («Родители у него умерли...»), реальный герой попадает в иной мир и встречается с волшебным вредителем, но не возвращается (в отличие от волшебной сказки) домой, поскольку не послушался волшебного заступника (голоса, который говорил «Не надо...»).

4. Вновь обсуждается, что детские страшные истории нужно уметь рассказывать, чтобы слушатель «поверил» рассказчику: доверительный голос, негромко, с серьезным выражением лица, делать паузы перед особенно страшными моментами. Далее дети разделяются на группы по 4-5 человек. Задача работы — выделить из группы рассказчика и помочь подготовиться «правильно» рассказать страшилку. При озвучивании текстов, как правило, ничего не получается (дети подшучивают, смеются и «доверять» рассказчику совсем не хотят). Таким образом, подтверждается вывод об условиях рассказывания детских страшных историй: особое место и время, отсутствие взрослых, готовность слушателем воспринимать рассказываемое как правду. Тогда каждой группе предлагается следующее задание: переделать детскую страшную историю с трагическим концом в детскую

¹³ Чередникова М. П. Современная русская детская мифология в контексте фактов традиционной культуры и детской психологии. С. 221.

страшную историю со смешным концом. Задание выполняется, обсуждаются результаты: у какой группы получился самый смешной рассказ и кому наиболее удачно удалось его рассказать.

Еще один интересный жанр школьного фольклора, тесно связанный с детскими страшилками, — *вызывание*. Вызывать можно кого угодно: гномиков, домового, русалочку, духов, Пушкина... но самым популярным персонажем детских вызываний является Пиковая дама (с. 15—55). Как в традиционной народной культуре святочные вызывания суженого отражались в быличках о гаданиях, так и в школьном фольклоре многочисленные способы вызывания Пиковой дамы и опасные последствия контакта с ней запечатлены в страшилках о Пиковой даме:

Однажды, когда девочки вызывали Пиковую даму, одна из них забыла убрать волосы под косынку. Когда наступила полночь, все девочки увидели разное: кто квадратики, кто человечков, а девочка, забывшая убрать волосы, увидела черные костлявые руки, которые тянулись к ней из глубины зеркала. Когда руки подошли к поверхности зеркала, на стене сверкнула молния. На следующий день девочку нашли мертвой. Эта история абсолютно правдива (с. 43).

Вызывают Пиковую даму, как правило, в темном помещении, собравшись компанией или в одиночку, чтобы задать какие-нибудь вопросы или просто пережить чувство страха. Для ее вызывания используются различные предметы и действия: зеркала, нити, деньги, иголки, стаканы с водой, расчески, капание воды и духов, покрывание стола белым материалом, накрывание себя пальто, обвязывание руки ниткой и др., свидетельствующие о вариативности вызываний.

Если говорить о вызываниях Пиковой дамы как возможном учебном материале, то здесь может выступить описание самого обряда вызывания, например, такое:

Надо ночью воткнуть иголку в стену. Пиковая дама придет, может, задушит, а может, желание исполнит. Все будет в полночь. Включить свет нельзя — исчезнет. Если она захочет задушить, надо крикнуть: «Тари, тари, тари, нее, / Исполни моё желание» (с. 40).

Дети могут заметить сходство с народными обрядами, наличие заклинательных слов (которые интересны сами по себе использованием зауми, смежной рифмовки) и обрядовых действий, дополняющих друг друга, особое время, в которое может быть совершен обряд, изменение функций обычных вещей (игла, стена), да и то, что сама Пиковая дама здесь выступает в двух ипостасях — дарителя и вредителя, как это нередко бывает свойственно мифологическим персонажам.

Устные *семейные рассказы* — «самый значительный пласт семейного фольклора» (с. 618), они бытуют и среди современных детей. По экспериментальным данным, большинство из опрошенных школьников «знают своих предков до четвертого-пятого поколения и обнаруживают хорошее знание семейной фольклорной традиции» (с. 619). Культурная атмосфера каждой семьи уникальна, но есть и общие закономерности создания и функционирования семейного фольклора, берущие истоки в традиционном устно-поэтическом творчестве. В любом случае речь идет о таком пласте словесной культуры, который выполняет функции, связанные с самосознанием семьи. И в этом отношении семейным рассказам принадлежит далеко не второстепенная роль. Разнообразные по тематике (об истории семьи, происхождении фамилии, о женитьбе и замужестве, рождении детей и наречении имени, семейных реликвиях и удивительных событиях), они передаются и варьируются синхронически (в разнообразных бытовых ситуациях, особенно при встрече живущих далеко друг от друга родственников) и диахронически (из поколения в поколение).

Вот примеры семейных рассказов о происхождении фамилии и о детях:

Наша фамилия связана с кислыми ягодами — «кислички», — которые собирали летом, ели их и заготавливали на зиму. А один человек собирал их больше всех, больше всех ел и больше всех заготавливал. И пошла наша фамилия — Кисловы.

Раньше пуговиц почти не было, а те, которые продавались, были очень дорогие. Бабушка брала пятаки, обшивала их тканью и пришивала их вместо пуговиц. А мама со своей сестрой отрывали эти «пуговицы» и доставали пяточки и ходили на них в кино (с. 628, 641).

Основное содержание учебной работы с семейными рассказами в начальной школе может заключаться в собирании, запоминании и рассказывании семейных преданий с целью развития речи учащихся, составлении семейного словаря (наименований, выражений, прозвищ), некоторой актуализации ретроспективного мышления и повышения авторитета собственной семьи в глазах ребенка. На основании рассказанных друг другу семейных историй дети могут сделать попытку их тематической классификации.

На материале многочисленных малых жанров современного школьного фольклора (*считалки, анекдоты, садистские стишки*) дети вновь убеждаются в его коллективности и вариативности, могут заняться собирательской работой и произвести запись отдельных текстов или самозапись. Обсуждается, что их можно фиксировать на бумаге или диктофоне, составляется анкета:

1. Как тебя зовут?
2. Сколько тебе лет?

3. В каком городе ты живешь?
4. Что ты будешь рассказывать?

В процессе обсуждения разнообразия строения *детских тайных языков* (тарабарский, оборотный, заумный, с меной окончания, с утком и мн. др. (с. 711—740)) дети получают возможность наблюдения над строением слов, спецификой функционирования искусственных языков, а также смогут расширить возможности их использования в собственных играх, сделать этот процесс более осознанным.

Таким образом, значительность фольклорного пласта в структуре детской субкультуры обязывает современного учителя постоянно держать его в поле зрения, интересоваться новыми публикациями, наблюдать за его изменчивостью в «живых» условиях в процессе общения с детьми. Все это поможет учителю лучше понимать своих учеников, а в некоторых случаях и обогатить уроки литературного чтения, помогая детям при обращении к интересным и близким им текстам раскрывать некоторые универсальные свойства словесной культуры, осознать свою причастность к ней. В любом случае, на настоящий момент эта область методической науки остается почти неразработанной и ждет своих исследователей. В качестве такого исследователя и может выступить учитель начальных классов.